ВМЕСТЕ ИНЭЙНЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного еврейского фонда „Турбота поколінь – Хэсэд Дорот”

Издаётся с декабря 2000 года.

Таммуз/Ав 5782 июль 2022 №7(247)

Пост Девятого Ава

Самым траурным для евреев днём считается Девятое Ава (в этом году – 7 августа; согласно календарю пост 9 Ава выпадает на субботу 6 августа, но так как это день Шаббата, то пост перенесли на 7). В этот день ничего не едят, не пьют, не надевают кожаную обувь. Пост начинается вечером 8 Ава за несколько минут до захода солнца и заканчивается после появления звёзд на небе вечером 9 Ава. День 9 Ава – единственный день в году, когда еврей не только не обязан, но и не имеет права изучать Тору (ведь изучение считается источником радости).

Изначально пост 9 Ава связывается с „грехом разведчиков”. Когда Моше привёл евреев к границам Земли Обетованной, то они побоялись сразу войти в неё и упросили Моше отправить разведчиков, с тем чтобы те, вернувшись, описали страну и перспективы жизни в ней. И хотя эта просьба была выражением сомнения в Б-ге, который вывел евреев из Египта и обещал им эту страну, всё же Моше согласился отправить глав 12 колен на разведку. Вернувшиеся разведчики сообщили, что страна „укреплена до неба” и населена великанами, против которых евреи „маленькие, как кузнечики”. Только главы двух колен утверждали, что Земля Израиля прекрасна, и что стоит войти в неё. Народ поверил, естественно, большинству и всю ночь с 8-го на 9-е Ава евреи плакали, говоря, что Б-г привёл их в эту страну из злобы и что лучше бы они умерли в пустыне... Тогда Б-г разгневался и сказал, что в этот раз евреи плакали напрасно, но теперь у них появится множество поводов для плача в эту ночь. Таково будет наказание за грех неверия.

Первым наказанием стал запрет поколению, вышедшему из Египта, войти в Святую Землю. Люди, усомнившиеся в Б-ге, были обречены сорок лет скитаться по пустыне – по году за каждый день разведки и умереть в ней, как они и просили.

Во-вторых, за то, что евреи испугались (несмотря на все чудеса и знамения) народов, населявших Кнаан, и отказались войти в Израиль в выбранное Б-гом время, было сказано, что теперь евреи смогут получить эту землю только после тяжёлых войн, хотя могли получить её чудесным образом – безо всяких усилий.

Но, видимо, и этих наказаний оказалось недостаточно, чтобы евреи безоговорочно приняли Б-га и его заповеди. Уже обосновавшись на Земле Обетованной, евреи продолжали грешить. Самым тяжёлым грехом было идолопоклонство, ведь это прямое нарушение заповеди „Не сотвори себе кумира”. Причём, по свидетельству пророка Иеремии (бывшего свидетелем разрушения Первого Храма) объектом поклонения стал и непосредственно Храм. Пророк говорил, что люди его поколения без конца повторяли слова: „Храм Господа”, полагая, что Храм спасёт их, искупит любое их преступление. Так было забыто значение Храма как пути служения Вс-вышнему. Храм приобрёл роль посредника, промежуточного звена в отношениях между евреями и Б-гом. И до тех пор, пока евреи не раскаются в грехе неверия, это наказание будет с ними, и будут появляться всё новые и новые поводы для плача в этот день.

Вот перечень печальных событий случившихся на протяжении веков 9-го Ава:

• 2449 год от сотворения мира (1313 до н.э.) Вс-вышний вынес приговор, согласно которому вышедшее из Египта поколение было обречено скитаться по пустыне 40 лет и умереть, так и не увидев Страны Израиля.

• 3338 год от сотворения мира (422 г. до н.э.) вавилонским царем Навуходоносором был разрушен и сожжён Первый Храм, построенный царём Шломо в 9-м веке до н. э.

• 3828 год от сотворения мира (68 г. н.э.) римским военачальником (впоследствии императором) Титом Веспасианом был разрушен Второй Храм, построенный в IV веке до н. э.

• 135 год. Пал последний оплот еврейских повстанцев, а вождь восстания Шимон Бар-Кохба был убит. По свидетельству римского историка Диона Кассия, в сражениях той войны погибло 580 тысяч евреев, были разрушены 50 укреплённых городов и 985 поселений; почти вся Иудея превратилась в выжженную пустыню.

• спустя несколько лет после поражения Бар-Кохбы (более точных сведений нет), римский правитель Турнус Руфус перепахал территорию Храма и его окрестностей. Захватчики запретили евреям жить в Иерусалиме. Всякому нарушившему запрет грозила смертная казнь. Иерусалим стал языческим городом под названием Аэлия Капитолина.

• 1095 год. Папа Урбан II объявил о начале первого крестового похода, в результате которого „воины Иисуса” убили десятки тысяч евреев и уничтожили множество еврейских общин.

• 1146 год. Во время второго крестового похода были организованы погромы в еврейских общинах Германии и Франции.

• 1290 год. Началось изгнание евреев из Англии.

• 1306 год. Издан указ об изгнании евреев из Франции, причём всё своё имущество они должны были оставить.

• 1348 год. Европейских евреев обвинили в организации одной из крупнейших в истории эпидемий чумы. Это обвинение привело к жестокой волне погромов и убийств.

• 1492 год. Король Испании Фердинанд II Арагонский и королева Изабелла I Кастильская издали указ об изгнании евреев из Испании.

• 1555 год. Евреи Рима переселены в первое в истории гетто.

• 1567 год. Были переселены в гетто остальные евреи Италии.

• 1648 год. Резня сотен тысяч евреев в Польше, Украине и Бессарабии.

• 1882 год. В России начались погромы еврейских общин в пределах черты оседлости.

• 1914 год. Началась Первая мировая война.

• 1942 год. Началась депортация евреев из Варшавского гетто.

• 1942 год. Начал действовать лагерь смерти в Треблинке.

И всё же евреи верят, что когда-нибудь этот день станет самым большим праздником.

День любви Ту бе-Ав

Пятнадцатое число месяца Ав (пятого месяца) – самый загадочный день еврейского календаря. Чем же объясняется превосходство этого дня? Почему его наделяют некими особыми качествами? Попытаться ответить на эти вопросы можно, лишь заглянув в самую глубь истории.

Календарь многих народов формируется на основе исторических вех и событий, которые играют для него особую роль. В еврейском, особенно богатом и сложном, каждый праздник или памятная дата тоже имеют под собой определённую событийную канву.

Если заглянуть в Шулхан Арух – свод еврейского закона, то в нём мы не найдём упоминания о каких-либо ритуалах праздника Ту бе-Ав, кроме того что в этот день в синагогах исключаются покаянные молитвы. Тем не менее, это событие Талмуд называет величайшим праздником года наряду с Йом Кипуром – Днём Прощения.

В 2022 году День любви Ту бе-Ав, „день влюблённых”, отмечается 12 августа.

Какова же история этого праздника? Давно это было. Ещё до установления в Израиле царства и завоевания Иерусалима. В трагический месяц Ав, 15 числа, прекратился многолетний мор, погубивший всё шестисоттысячное поколение Исхода иудеев из Египта, не желавшее вступить на Землю Обетованную. Тогда, на протяжении сорока лет, 9-го Ава погибало 15 тысяч человек, но на 40-й год в страшную дату никто не умер, и все решили, что ошиблись, 9-е число ещё просто не наступило… Но в полнолуние 15 Ава стало понятно, что даровано прощение: мор наконец-то прекратился. В истории иудаизма это событие отмечено как День искупления за грехи разведчиков.

Талмуд перечисляет и другие радостные события, происходившие в день полнолуния месяца Ав. Тогда были похоронены последние защитники крепости Бейтар, израильский царь Осия снова разрешил своим подданным посещать Иерусалим, а ещё 15 Ава – день „ломки топоров”. Именно в этот заканчивалась заготовка дров для жертвенника Храма, и по этому поводу устраивался праздник, который получил название день ломки топоров. Иосиф Флавий в своей книге „Иудейская война” упоминает этот день как „праздник ношения дров”.

Всё это само по себе служило поводом для пиршеств и ликования, но при чём здесь любовь? Что за романтическая история закрепила название за праздником?

Во времена, описываемые в Торе, всякое происходило на земле с жителями Израиля. Кроме вероисповедания их ничего не связывало, народ, скорее, походил на „коалицию” двенадцати колен, проживающих каждый на своей территории. При этом представители каждого из племён строго следили за своим наделом земли, стараясь не дать обосноваться на ней никому другому. Жениться молодым людям из разных колен строго запрещалось. Только Храм в Шило оставался местом, где все встречались для переговоров по важным вопросам и на праздники.

В день сбора винограда, 15 Ава, молодёжь собиралась в виноградниках, где знакомилась и общалась. Девушки в этот день устраивали в садах танцы. „Юноша, подними глаза и посмотри, кого ты выберешь в жёны!” – как бы говорили они при этом. Свои наряды – простые белые платья, одалживали друг у друга, чтобы никого не смущать и не создавать никакого внешнего различия между бедной и богатой невестой. Девушки танцевали без украшений, чтобы юноша руководствовался в своём выборе не мыслями о богатстве семьи невесты, а своим сердцем.

Вскоре этот день стал знаковым для израильтян по причине отмены запрета на межклановые браки.

Однажды несколько мужчин из племени Биньямина совершили проступок, за который представители других еврейских общин начали их истреблять, поклявшись никогда не отдавать своих дочерей замуж за биньяминовцев. Поставленную задачу израильтяне, к сожалению, практически выполнили – они уничтожили города „провинившегося” клана, а всех его девушек забрали в плен…

Но, в конце концов, одумались, вспомнили о празднике Ту бе-Ав и послали своим оппонентам такое сообщение: „15 Ава, когда девушки выйдут на гулянье в виноградники Шило, приходите, крадите их и женитесь”.

Понятно, что участвующие в танцах юные красавицы так же были не прочь быть украденными.

Так родился красивый обычай, связанный с победой любви над запретами и условностями, а решение старейшин положило начало долгожданному воссоединению еврейского народа.

Есть мнение, что день 15 Ава, которое выпадает на полнолуние месяца Ав – месяца национальной трагедии и катастрофы, в корне своём является праздником грядущего Освобождения (вспомните, например, мидраш, что 9 Ава родится Машиах), а значит, пока что неизведанным для нас на сегодняшний день.

Согласно учению Каббалы, в 15 день месяца Ав соединяются верхний и нижний духовные миры. Это благоприятный день для любых важных хороших начинаний. И хоть он и не отмечен в календаре красным цветом как праздник, следует его сделать таким для себя и выделить среди будней.

По материалам еврейских сайтов.

Предания Стены Плача

Согласно старинной легенде, для того чтобы у народа возникло ощущение, что Иерусалимский Храм – это его общее достояние, царь Шломо разделил работы по его отделке и возведению внешних стен между различными слоями общества. Южную стену вокруг Храма было поручено построить представителям еврейской знати, восточную – коэнам и левитам, северную – богатым купцам, а западную – беднякам. Военачальники, коэны и купцы пожертвовали на строительство Храма огромные деньги, наняли на них рабочих из окрестных стран и поручили им возвести три стены вокруг Храма, оставив себе лишь роль надсмотрщиков и прорабов.

Но у бедняков не было денег, чтобы нанять рабочих, и они строили западную стену Храма своими руками, обильно поливая её камни собственным потом. И когда строительство было закончено, с Неба раздался голос: ”Собой клянусь, – говорит Г-сподь, – что Западная стена будет стоять вечно и Шхина Моя не отойдёт от неё”.

В эту легенду можно верить, а можно – не верить, но факт остаётся фактом: Западная Стена пережила все исторические потрясения и сегодня остаётся последним дошедшим до наших дней осколком Первого и Второго Иерусалимских Храмов.

Когда Первый Храм был разрушен воинами Навуходоносора, остов Западной Стены каким-то чудом сохранился и вернувшимся на Землю Израиля вместе с Эзрой и Нехемией евреям при возведении Второго Храма, не пришлось строить заново эту стену, они лишь восстановили её. Затем стену реконструировал и расширил Ирод Великий, но именно расширил и реконструировал. В её основе остались лежать те же камни, что были положены при царе Шломо.

Когда Тит Флавий сжёг Второй Храм, он вызвал к себе четырёх центурионов и каждому из них поручил разрушить одну из стен, окружающих здание Храма. Три военачальника выполнили приказ, но четвёртый – араб по имени Панган – приступив к работам по разрушению Западной Стены, внезапно отдал своим легионерам приказ прекратить их. При этом Панган не мог не сознавать, что, нарушая приказ, он приговаривает себя к смертной казни, но, видимо, явилось ему у Стены нечто такое, что было сильнее страха смерти.

Когда Тит увидел, что Западная Стена осталась почти нетронутой, он спросил у Пангана, как тот осмелился нарушить его приказ.

– Я хотел, – ответил Панган, – сохранить её для потомков, чтобы они восхищались твоими деяниями, Кесарь. Пусть они говорят: „Если такова была только одна стена Храма, то как же был укреплён сам Храм, который взял великий Тит?!”.

– Прекрасный ответ, – похвалил Тит. – И за то, что у тебя так хорошо подвешен язык, я не предам тебя смерти за нарушение приказа. Вместо этого ты поднимешься на стену и спрыгнешь с неё. Пусть боги сами решат насколько угоден был им твой поступок.

Панган прыгнул вниз со стены и разбился насмерть. Но Западная Стена осталась стоять там, где стояла. И когда в течение долгих лет римляне запрещали евреям не только селиться в Иерусалиме, но и приближаться к развалинам Храма, евреи обозревали свою разорённую столицу с Масличной горы, и Западная Стена служила им главным ориентиром для определения того места, где стоял Храм.

Потом Святой Землёй владели византийцы, которым не было никакого дела до Храмовой горы и Западной Стены, так что место это приходило во всё большее запустение.

В VII веке, в Иерусалим пришли арабы, и халиф Омар пожелал точно выяснить, где именно располагался Иерусалимский Храм и его Святая Святых, ведь, согласно преданию, именно отсюда пророк Мохаммед вознёсся на небо для разговора с Аллахом. Омар вызвал к себе десять еврейских старцев и потребовал указать это место, но они ответили ему отказом. Однако затем один из стариков вернулся и сказал халифу, что готов открыть тайну при условии, что тот сохранит Западную Стену и разрешит молиться возле неё евреям.

Так на месте Святая Святых Храма, над камнем Мория, на котором Авраам собирался принести в жертву Ицхака, и у которого Яакову явилось знаменитое видение лестницы, появился Золотой купол Омара, но зато евреям снова разрешили селиться в Иерусалиме и молиться у своей святыни.

А потом пришли крестоносцы и мамелюки, пожелавшие стереть саму память о том, что Иерусалим когда-то был еврейским городом. Упоминания о Западной Стене надолго исчезают из всех исторических хроник и появляются в XVI веке – когда Иерусалим оказывается в руках турецкого султана Селима Первого Грозного.

По этому поводу тоже есть легенда. Рассказывают, что, прибыв в Иерусалим, Селим устроил свою резиденцию прямо напротив Храмовой горы. И вот в тот самый момент, когда он наслаждался видом из окна, Селим увидел, как к расположенному за окном холму подошла какая-то старуха и выбросила на этот холм целую корзину зловонного мусора. Это так оскорбило глаз султана, что он велел арестовать старуху и доставить к нему. Когда же Селим узнал, что старуха, христианка, живёт в Бейт-Лехеме и тащила эту корзину оттуда, чтобы выбросить его именно на этом месте, он пришёл в ярость: неужели от Бейт-Лехема до Иерусалима нет ни одной мусорной свалки, что мусор надо выбрасывать прямо под окнами резиденции султана?!

– О, повелитель, – ответила старуха, – у меня и в мыслях не было тебя оскорбить. Просто вот уже много лет наши священники обязывают всех окрестных христиан выбрасывать мусор именно на это место. Жители Иерусалима должны выбрасывать туда мусор не реже двух раз в неделю. Тот, кто живёт в одном дне пути от Иерусалима – раз в неделю, а кто в трёх днях пути – один раз в месяц.

Заинтересовавшись тайной этого холма, Салим начал ежедневно демонстративно выбрасывать в него несколько мешочков с золотыми монетами, на поиски которых, разрывая мусор, немедленно бросались толпы городских нищих. Так они постепенно разрывали этот холм, пока однажды из-под груды мусора не появилась Стена…

Окончательно очистил Стену от мусора сын Селима Сулейман Великолепный. Он же не только разрешил евреям вновь молиться у Стены, но и выделил для этого специальный участок длиной в 28 м и шириной в 3 м. На этом участке и молились евреи вплоть до 1949 года, когда по итогам войны за Независимость Стена Плача оказалась в руках иорданцев.

Борис Сичкин

Жизнь любого творческого человека невозможно назвать лёгкой. Этот человек тоже сталкивался с трудностями буквально с рождения в многодетном семействе. В своё время он был арестован, попал под „расстрельную" статью, сидел в тюрьме. Был очень популярен среди советских кинозрителей. Ведь каждая роль этого талантливого весёлого актера, искромётно исполнявшего песни и танцы в кинофильмах, запоминалась надолго. Его решение эмигрировать из страны обернулось печальными страницами пребывания на чужбине, где блестящему артисту пришлось зарабатывать на жизнь, выступая в кабаках. Речь пойдёт о Борисе Моисеевиче Сичкине.

15 августа 1922 в многодетном еврейском семействе сапожника, жившего в Киеве, родился седьмой ребёнок, которого назвали Борисом. Спустя четыре года умер отец, оставив жену и детей без средств к существованию. Практически все заботы, в том числе и воспитание младшего брата, легли на плечи старших. Бориса обучили танцевать, благо, у мальчишки это хорошо получалось, и отправили на Еврейский базар выступать перед уголовниками. Искусная чечётка и весёлые частушки привлекали зрителей со всей округи, которые за доставляемую им радость платили талантливому пацанёнку продуктами.

А потом был побег из дома и исключение из школы, жизнь в цыганском таборе, где Борис научился невероятно пластичным танцам. В 15-летнем возрасте стал студентом Киевского хореографического училища. В течение пяти лет, вплоть до 1941 года, обучался в нём, параллельно выступая в составе Ансамбля народного танца Украинской ССР.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны юный Сичкин стал участником Ансамбля песни и пляски Краснознамённого Киевского военного округа. Вместе с творческим коллективом участвовал во фронтовых концертах, пройдя путь от рядового танцора до солиста, а затем и постановщика хореографических композиций. Борис радовал фронтовиков своими выступлениями, за что и был удостоен медали „За боевые заслуги".

В послевоенное время Борис Сичкин был приглашён в ансамбль песни и пляски им. Александрова, а спустя год стал выступать в качестве артиста Москонцерта, в котором трудился в течение 18 лет.

У Бориса Сичкина было множество друзей, которые занимались творческой деятельностью, в том числе и в киноискусстве. Один из них, режиссёр Исидор Анненский, предложил ему воплотить эпизодический образ чудаковатого ухажёра в фильме „Анна на шее", что актёр и сделал. Борис не был профессиональным киноактёром, но его, как правило, второстепенные роли поражали своей яркостью. Таким был контрабандист из „Капитана голубой лагуны", конферансье из картины „До свидания, мальчики!" и другие. Но подлинную популярность принесла артисту роль Бубы Касторского в „Неуловимых мстителях". Этот неунывающий изобретательный герой влюбил в себя всех советских зрителей. Среди последующих ролей, пожалуй, самой запоминающейся можно назвать жениха-престидижитатора из киносказки Александра Роу „Варвара-краса, длинная коса".

1973 стал трагическим годом в жизни Бориса Сичкина. Гастрольная поездка в Тамбов обернулась для него вызовом в прокуратуру, где его обвинили в финансовых махинациях и арестовали. Следует отметить, что на тот момент жизнь артиста складывалась вполне благополучно. Кроме исполнения ролей в кино он активно гастролировал, давая сольные концерты, обладал трёхкомнатной квартирой в центре столицы, дачей, личным автомобилем.

В изоляторе Борис познакомился, найдя общий язык, с уголовниками, благо, опыт общения с ними у него был. Пока Сичкин находился в тюрьме, дело переквалифицировали в хищения в особо крупных размерах, за которые полагалось весьма серьёзное наказание вплоть до расстрела. Его фамилия сразу же была вырезана из титров кинокартин, где он снимался. Поплатился и сын, которому закрыли дорогу в Московскую консерваторию.

Обвинения в адрес артиста не подтвердились, его оправдали. Однако дело закрыли не сразу, продолжая вызывать его к следователю. Естественно, что ни о какой дальнейшей карьере и речи быть не могло. Приглашения на съёмки не поступали, как не выдавали и разрешения на концерты.

В 1979 практически без средств Сичкин вместе со своим семейством отправился искать лучшей жизни за океан. В Соединённых Штатах, чтобы заработать на жизнь, выступал в „злачных местах", перед эмигрантами из России, которых, здороваясь, называл предателями и бандитами. Что интересно, такое приветствие неизменно срывало громкие аплодисменты.

Работу по специальности Борису Моисеевичу помог отыскать актёр Олег Видов, эмигрировавший в Америку в середине 1980-х. Именно он порекомендовал Сичкина на роль генсека Брежнева в картине „Последние дни", где его и приметил Оливер Стоун. Именитый режиссёр предложил актёру такую же роль в фильме „Никсон".

Спустя 15 лет, к середине „лихих" девяностых, Борис Сичкин приехал в Россию, где был с радостью встречен коллегами, которые стали приглашать его сниматься в кино. Он сыграл бродягу в „Бедной Саше" и в ещё пару эпизодических ролей. Впрочем, желания оставаться в Москве у него не было. Ведь в США худо-бедно, но всё было налажено. Жена Галя помогала мужу в его выступлениях, сын Емельян организовал свой ресторанный бизнес. На родину артист приехал, желая всего-навсего дополнительно заработать.

Последние шесть лет семья Сичкиных проживала в районе Куинс Нью-Йорка, где живут люди с невысокими доходами. Борис Моисеевич в свои далеко не молодые годы отличался энергичностью, практически не жаловался на недомогание.

Жизнь артиста оборвалась в 22 марта 2002, по иронии судьбы, именно в тот день, когда он был приглашён на роль главаря русской мафии. Немного выпив от радости, он пошёл домой. Лифт в доме не работал, и 79-летнему актёру пришлось идти пешком на свой этаж. Его сердце не выдержало нагрузки, Борис Моисеевич скончался от инфаркта. Поначалу он был погребён в Нью-Йорке, но затем останки по настоянию супруги были извлечены и кремированы. В апреле 2008 урну с прахом талантливого актёра вывези в Россию, где поместили в колумбарий на Ваганьковском кладбище Москвы.

Марина СЛИВИНА.

„Жегота" – совет помощи евреям Польши

Польша, первая попавшая под нацистскую оккупацию в 1939, до января 1945 понесла колоссальные людские потери. От расстрелов, гибели в концлагерях, голода и болезней погибли 5,7 миллиона её граждан. Двоякость ситуации, правда, состоит в том, что из 5,7 млн. погибших три составили евреи. Оккупанты целенаправленно уничтожали еврейское население страны, что и сказалось на печальной статистике жертв. Видя такое положение дел, многие поляки пытались помочь ереям. Одной из подпольных организаций, поставившей себе цель спасение евреев, стала „Жегота", созданная стараниями неравнодушных поляков.

Движение помощи евреям в оккупированной Польше зародилось в сентябре 1942 года. Казалось бы, почему так поздно, ведь с момента оккупации страны прошло четыре года. Дело в том, что немцам, которые пользовались различными методами информационного воздействия, довольно долго удавалось поддерживать среди поляков версию, что евреев просто переселяют куда-то на восток. Тем не менее, ужасная правда со временем открылась, повергнув в шок просвещенную часть польского населения.

После того как истинная информация о намерениях немцев оказалась вскрытой, две женщины Зофья Коссак-Шуцкая и Ванда Крахельская-Филипович, занимавшиеся соответственно литературной и искусствоведческой деятельностью, создали Временный комитет помощи евреям. Сюда вошли также и другие поляки, находившиеся в Варшаве и ряде других крупных городов оккупированной Польши. Кроме того, к работе комитета привлекли некоторое количество представителей еврейской национальности, ушедших в подполье, – сиониста Адольфа Бермана и бундовца Леона Файнера.

Зофья Коссак-Шуцкая в мирное время была писателем, исповедовала польский национализм. Следует отметить, что в тот период тёплые чувства к евреям она не испытывала. Но летом 1942 женщина узнала о бесчеловечной акции в Варшавском гетто, и отношение её к евреям кардинально изменилось. Зофья Коссак-Шуцкая написала эмоциональный манифест, призывающий поляков-католиков не поддаваться пассивности, а помогать преследуемым нацистами людям.

Ванда Крахельская-Филипович в довоенный период была женой польского посла в США, выпускала художественный журнал „Аркади". Как человек обеспеченный, она не особо обращала внимание на события внутри страны, однако осознав, насколько жестокими бывают нацисты, включилась в борьбу против них. Поддержав Временный комитет помощи евреям, Ванда Крахельская-Филипович вскоре заняла в нём высокую должность, действуя под позывным „Алинка".

Спустя три месяца после своего появления Временный комитет был реорганизован. С декабря 1942 года он стал именоваться „Жегота", якобы по имени его командира. Такое название он получил по идее Зофьи Коссак-Шуцкой, чтобы отвлечь внимание немцев на несуществующий объект. На самом деле никакого человека по имени Жегота не было в природе. Его имя было взято из произведений Адама Мицкевича.

В организацию начали вступать активные граждане. Так в ней появился полковник Армии Крайовой Хенрик Волиньский. Начиная с февраля 1942, он возглавлял в структурах АК Еврейский отдел. На него же были возложены связи с подпольем Варшавского гетто, куда из ограниченного арсенала АК передавались оружие, боеприпасы.

У организации был и свой генеральный секретарь. Эту должность доверили представителю Польской соцпартии Юлиану Гробельному. Из-за заболевания туберкулёзом ему приходилось жить в сельской местности. Пользуясь этой возможностью, он из своей небольшой усадьбы сделал перевалочный пункт для евреев, сумевших бежать из гетто. Там беглецы находились некоторое время, а потом при первой же возможности переправлялись в более укромные места.

За спасение детей отвечала Ирена Сендлер, с которой активно сотрудничала Зофья Коссак-Шуцкая. Создательница „Жеготы" наладила связи с сиротскими приютами, куда переправлялись дети из гетто. Подсчитано, что за время существования Варшавского гетто из него сумели спасти порядка 9000 юных евреев.

Финансирование „Жеготы" взяло на себя Польское правительство в изгнании, находившееся в Лондоне. Дополнительные взносы в организацию делали Еврейский национальный комитет и Бунд. Естественно, что имея столь серьёзных спонсоров, „Жеготе" требовалась и своя казначейская служба. Руководить ею назначили Фердинанда Арчиньского. На его же плечи легло изготовление фальшивых документов, легализация спасённых из гетто евреев и переправка их в безопасные места. Для этого подыскивалось и оплачивалось безопасное жильё.

Очередной датой реорганизации системы помощи евреям Польши стал март 1943. Тогда при Польском правительстве в изгнании создали специальное отделение – Еврейский Реферат Делегатуры, с которым поочередно контактировали Витольд Беньковский и Владислав Бартошевский. Этот отдел через своих посланников пытался осуществлять помощь повстанцам Варшавского гетто в апреле 1943.

Постепенно „Жегота" расширяла ареал своего влияния в оккупированной Польше. Уже через год организация основала свои филиалы в таких городах как Краков и Львов, ряд отделений в Кельце, Петркуве и Радоме. Увеличивалось и количество добровольцев, которые участвовали в деятельности „Жеготы". Вот некоторые имена.

Адвокат Мечислав Херлинг-Грудзиньский предложил использовать своё поместье в окрестностях Варшавы. Туда для временного пребывания стали доставлять группы евреев. За время сотрудничества Мечислава Херлинг-Грудзиньского с „Жеготой" он смог помочь без малого 600 евреям. Ещё один участник организации Ян Добрачиньский, в довоенное время занимавшийся литературной деятельностью. В период оккупации он устроился в варшавский муниципалитет, где занял должность руководителя отдела по борьбе с беспризорностью. Исполняя свои полномочия, он одновременно находил надёжные убежища для еврейских детей.

Ещё два поистине уникальных случая действий подпольщиков. Первый из них, когда Ян Карский дважды пробирался в Варшавское гетто, чтобы собрать информацию о событиях, происходящих в нём. Позже с отчётом он был переправлен в Лондон, где рассказал о страшных преступлениях нацистов, творимых ими в гетто. Потом Ян Карский поехал в США, где также рассказал об увиденном и пережитом в оккупированной Польше. К сожалению, ни в Лондоне, ни в Вашингтоне ему не поверили.

Второй случай по своим последствиям напоминает первый. Бывший офицер-кавалерист Витольд Пилецкий, бывший активным членом Польского сопротивления, узнав, что на территории Польши немцы построили концентрационный лагерь Освенцим, предложил план проникновения туда для сбора информации. Свою идею он же и претворил в действие. 19 сентября 1940 года в ходе одной из облав намеренно подвергся аресту. Уже через два дня его этапировали в концлагерь, где герой ухитрился не погибнуть в первый же день.

Спустя очень короткое время из Освенцима на Большую землю стала поступать информация о событиях, происходящих внутри лагеря. Удивительным фактом является то, что Витольду Пилецкому удалось продержаться на этой фабрике смерти до апреля 1943. В течение всего этого времени он передавал ценнейшую информацию польским подпольщикам. Поняв, что вскоре и его самого отправят в газовую камеру, сумел совершить побег из концлагеря. Добравшись до Варшавы, Пилецкий немедленно встретился с руководством Армии Крайовой и предпринял попытку убедить его командование атаковать лагерь. Его план отвергли, хотя информацию об Освенциме была передана союзникам в Лондон. Но и там сочли её слишком преувеличенной.

„Жегота" действовала на значительной территории оккупированной Польши. Её бойцы снабжали еврейских беглецов деньгами и поддельными документами, искали укрытия, размещали тысячи спасённых еврейских детей в детских домах, приёмных семьях и монастырях. По призыву „Жеготы" Польское правительство в изгнании издавало обращения к польским гражданам и немцам с просьбой оказывать помощь евреям, не сдавать их нацистам и не убивать.

Согласно данным из архивных документов, сеть данной организации состояла из порядка 100 ячеек. Из 50 000 евреев, переживших период нацистской оккупации на территории Польши, половина смогла спастись благодаря помощи, оказанной бойцами „Жеготы". Для беглецов было изготовлено свыше 60 000 поддельных документов. Только из одной Варшавы подпольщики спасли около 9 000 еврейских детей. Согласно найденной информации летом 1944 на конспиративных квартирах польской столицы находилось более 4 000 евреев.

При всей широте действий организации штаб её находился на варшавской улице Журавля в неприметной квартире, которая принадлежала Эугении Вонсовской. Она также не боялась прятать в ней евреев. До самого момента освобождения Варшавы от нацистов о том, что происходило в квартире Эугении Вонсовской, никто посторонний не догадывался, а главное, об этом не знали немцы. Дойди до них такая информация, женщине не удалось бы дожить до освобождения.

О том, что гестапо целенаправленно занималось „Жеготой", говорят сухие цифры и факты. За укрывательство еврея наказывалась вся семья человека, пытавшегося сделать это. Вариантов наказания было немного: либо немедленная казнь всех причастных, либо арест и допросы в гестапо, но после этого тоже гибель. За период оккупации немцы уничтожили более 2 000 поляков, причастных к операциям „Жеготы". Из казнённых лишь около 700 человек были членами подпольной организации.

Подверглась аресту и её основательница Зофья Коссак-Щуцкая, которую отправили сначала в тюрьму, а затем в Освенцим. За недоказанностью причастности к подполью её вынуждены были отпустить. Пройдя через застенки оккупантов, смелая женщина не отказалась от своих идеалов, и даже участвовала в Варшавском восстании 1944 г.

В память о действиях „Жеготы" на Святой Земле в 1963 году на Аллее праведников комплекса Яд ва-Шем посажено дерево. А через 32 года, в 1995, в самой Варшаве власти открыли мемориал, посвящённый этой подпольной организации.

Марина СЛИВИНА.

Одной из самых выдающихся фотографий является фотография Альберта Эйнштейна с высунутым языком. Это фото настолько популярно, что миллионы людей ставят её в качестве обоев на рабочий стол компьютера, но не многие знают небольшую, но очень интересную историю данного снимка.

Этот снимок является олицетворением репортёрской удачи. Фото было сделано в 1951 году, после празднования 72 дня рождения Альберта Эйнштейна в Принстонском университете. На снимке он уже сидит в машине, рядом – доктор Эйделот с супругой. В тот вечер Эйнштейна осаждали репортёры, но один из них, Артур Сасс, сначала подождал, пока схлынет толпа, и только потом подошёл к машине со словами: „Эй, профессор, улыбочку для фото на день рождения, а?". Эйнштейн, который к тому моменту порядком устал от этих ребят с фотоаппаратами, просто быстро показал язык и отвернулся, думая, что щёлкнуть его не успеют. Но Сасс успел! Когда в редакции увидели, что получилось, там состоялось нешуточное обсуждение с „большими шишками", стоит ли это публиковать, но, к счастью, всё закончилось благополучно.

Когда Эйнштейн увидел фотографию, он был удивлён, но фотография ему понравилась. Он обрезал её до привычной теперь „головы профессора", и в дальнейшем посылал её в качестве открытки своим друзьям. Есть версия, что учёный сделал девять таких копий фотографии.

Одному из них он написал: „Вам понравится этот жест, потому что он адресован всему человечеству". Обладателем этого фото стал Говард Кей Смит. В 2009 году эта фотография с автографом учёного была продана за 74 325 долларов на аукционе Rrauction.com (штат Нью-Гемпшир США). Обладателем легендарного фото стал Дэвид Уоксман из штата Нью-Йорк, специалист по редким научным книгам и рукописям учёных. Он является известным коллекционером автографов знаменитых деятелей науки.

Райнер ЦИТЕЛЬМАН.

Последние дни Второго Храма и Стена плача

В истории Израиля есть один период, когда крошечное государство Иудея, существовавшее некогда на его территории, объявило войну мощнейшей на то время Римской империи. Этот момент, названный Иудейской войной, стал после борьбы с Карфагеном, пожалуй, наиболее трудной кампанией, продлившейся целых семь лет, с 66 по 73 год н.э.

Для Иудеи эта война имела самые драматичные последствия: была полностью утрачена государственность, убиты, умерли или были угнаны в рабство сотни тысяч евреев, разрушены крупнейшие города и Второй храм в Иерусалиме. Однако она же показала, как относительно небольшой народ может противостоять несоизмеримо более сильному противнику.

История сохранила ряд событий, которые предшествовали той драме, которая разыгралась в 66-73 годах. Начало им положила смерть царя Ирода (на иврите – Хордуса) Великого. После его кончины его сыновья отправились в Рим в надежде на то, что правивший тогда империей Октавиан Август подтвердит завещание их отца и закрепит за ними части Иудейского царства. Так и произошло. Все три сына получили свои наделы, однако вместе с ними на землю Израиля отправились и римские наместники – прокураторы.

Видимой целью появления прокураторов был контроль над законностью на подмандатных Риму территориях, однако на деле это выразилось в их гонке за наживой. Срок полномочий наместников был довольно ограниченным, поэтому они старались успеть использовать по максимуму свои возможности для личного обогащения, не считаясь при этом с мнением местных жителей. Таким был прокуратор Понтий Пилат, занимавшийся многочисленными казнями и ограбивший сокровищницу Храма. Такое „соблюдение законности" привело к серии столкновений между местными жителями и римскими властями.

Однако критическим для Иудеи стало появление в провинции прокуратора Флора. Его жестокость и алчность затмила деяния всех предшественников. Переполнило чашу терпения евреев требование Гессия Флора выплаты Иерусалимским Храмом 17 талантов налогов для римской казны. Однако жрецы Храма отказались от этого. Чтобы добиться выполнения приказа, Гессий Флор возглавил военный отряд и отправился в Иерусалим, чтобы лично потребовать выплаты, но и в этом случае он не достиг желаемого. Мало того, в городе вспыхнули волнения. Подавляя бунт, римляне убили порядка 3600 человек, после чего сам Храм был разграблен.

Столь бесцеремонное отношение римлян к евреям вызвало возмущение у народа. Стихийно началось восстание, которое вскоре переросло в полномасштабную войну, распространившуюся по всей территории Иудеи, захватив некоторые районы Сирии и Египта. Повсюду происходили большие и малые бои, уносившие десятки тысяч жизней. Убийства происходили даже в Александрии и Дамаске. Чтобы подавить это восстание, римский наместник в Сирии Гай Цестий Галл возглавил отряд и отправился в Палестину. Но он, будучи гражданским руководителем, слабо разбирался в тактике боя, поэтому дойдя до Иерусалима и встретившись с вооружённым отрядом Шимона бар Гиоры, потерпел поражение, а при отступлении вообще потерял большую часть своих солдат.

Евреи, обрадованные столь лёгкой победой, вновь организовали привычное для них теократическое правление. На первые места выдвинулись первосвященник Анна и ряд руководителей регионального уровня: Иосиф бен Матитьягу, Иоанн Гискальский и некоторые другие. Однако правивший тогда в Риме Нерон не смирился с поражением Гая Цестия Галла. Наместника отозвали в столицу империи, а вместо него прибыл Веспасиан – один из лучших на тот момент военачальников. Новый прокуратор собрал в Антиохи солидное войско, состоявшее из 60 тыс. солдат. Эта армия и отправилась покорять бунтующих евреев.

Первой на их пути стала богатая провинция Галилея. Здесь римлян встретил местный военачальник Иосиф бен Матитьягу. Вынужденный под натиском войск Веспасиана отступить под защиту крепости Иодфат он пытался выторговать почётные условия сдачи. Однако осаждённый город был взят штурмом, при котором погибло порядка 40 тыс. человек, часть из которых, дабы не попасть в рабство, покончили с собой. Среди немногочисленных сдавшихся людей был Иосиф бен Матитьягу. Евреи назвали его предателем, но именно благодаря ему современники знают подробности той страшной войны. Этот человек получил римское гражданство и новое имя – Иосиф Флавий, под которым его помнят и поныне.

Машина римских легионов прошила Галилею и направилась к Иерусалиму, в котором укрылись уцелевшие отряды восставших. В самом городе начались серьёзные разногласия между руководителями восстания. Они разделились на несколько враждовавших между собой групп. Более радикальные группировки обвинили умеренных в намеренной сдаче территорий, после чего в рядах восставших начались чистки, сопровождавшиеся убийствами. Так был убит первосвященник Анна и ряд других руководителей умеренного крыла. Однако даже после этого раскол в рядах восставших не прекратился. Иерусалимом стали править три группировки: народная, руководимая Шимоном бар Гиорой, партия элиты Иоанна Гискальского и священническая, управляемая Элезаром.

Веспасиан, уже подчинивший себе мятежные территории, не торопился со штурмом Иерусалима, предоставив возможность собравшимся там евреям, самостоятельно перебить друг друга. А вскоре он был отозван в Рим по причине кончины императора Нерона. Заняв его место, Веспасиан отправил в Иудею своего сына Тита, который прибыл на место в 70 году. Именно ему досталась сомнительная честь взять Иерусалим и закончить войну в Иудее.

Первое, что он сделал – окружил город. На тот момент в нём собралось по разным данным от 600 тыс. до 1 млн. человек, хотя ряд исследователей считают эти цифры сильно завышенными. Практически сразу же в городе начался сильный голод, от которого за пять месяцев осады умерло почти 116 тыс. человек. Однако, несмотря на это, защитники Иерусалима держались. После длительной подготовки римляне пошли на штурм. Их отряды прорвались внутрь города и продвигались в направлении Иерусалимского Храма, не щадя при этом ни построек, ни людей. Повсюду были пожары и лежали убитые люди.

Некоторые из жителей города пытались сохранить нажитое, перенеся его поближе к Храму, однако все строения вокруг него были также сожжены римскими штурмовыми отрядами. В самом Храме собралось большое число жителей, которые не могли держать оружие: старики и женщины с детьми. Их там было около 6 тыс. Разъярённые римляне подожгли колоннаду Храма, от которой пламя начало распространяться дальше. Часть людей просто погибла в пламени, а оставшихся перебили римские солдаты. Никому из собравшихся в Храме мирных жителей не удалось выжить. Удивительно, но разгром Иерусалима и падение Второго Храма произошло в тот же самый день еврейского календаря, что и разрушение Первого Храма вавилонянами – девятый день месяца Ав.

Окончание войны для евреев было крайне трагичным. Тит, отправившийся победителем в Рим, привёл туда в качестве трофеев оставшихся в живых руководителей восстания. Впоследствии Иоанн Гискальский был заключён в темницу, из которой так и не вышел. Другой герой войны Шимон бар Гиора был казнён. Всего же только в боях погибло не менее 600 тыс. евреев, а число умерших по другим причинам даже подсчёту не поддаётся. Огромное количество граждан Иудеи было вывезено в рабство. Иерусалим после разграбления был разрушен. Сожжён и уничтожен Второй Храм.

Среди его немногочисленных деталей оказалась часть Западной стены, каким-то чудом избежавшая разрушения. Возвышаясь над руинами, она постепенно превратилась в святыню. В дальнейшем, на протяжении всех последующих столетий, пока Иерусалим переходил от одних правителей к другим, даже несмотря на частые запреты, евреи приходили к Стене рассказать о своих проблемах и помолиться за возрождение Израиля. За огромное количество пролитых здесь слёз этот фрагмент сооружения получил наименование „Стена плача".

Но даже после возрождения Израиля как полноправной страны Стена плача какое-то время была недоступной евреям. Положение изменилось в 1967 году. В период Шестидневной войны еврейские десантники сбили блокпосты арабов, перекрывавших дорогу к Стене, и вернули её народу Израиля. С этого момента она стала свидетелем не только страданий, но и великой радости.

Эдуард БЛОКЧЕЙН.

Лабрадор с плеч

Еврейский купец спас жизнь британского короля и получил за это полуостров Лабрадор. Его потомки про богатые золотом земли забыли. Опомнившись, почти 200 лет судились, но проиграли Канаде.

В начале XX века между канадской провинцией Квебек и британским доминионом Ньюфаундленд шёл спор по поводу границы на полуострове Лабрадор. И вдруг оказалось, что на полуостров Лабрадор есть ещё один претендент – помощник кантора в Испанской и португальской синагоге Монреаля, раввин Исаак де ла Пенья. В его распоряжении были документы, доказывающие, что как минимум часть полуострова принадлежит ему. Де ла Пенья подал судебный иск к властям сначала Квебека, а потом и Ньюфаундленда, требуя признания своих прав.

История эта началась давным-давно. Евреи из рода де ла Пенья когда-то жили в Португалии. После того как Португалия вслед за Испанией стала принуждать евреев к крещению, часть обладателей этой фамилии осталась и крестилась, а другая часть – перебралась в Нижние земли, то есть Нидерланды. Среди оставшихся самым известным был Луиш де ла Пенья, приговорённый инквизицией к сожжению. Но не за приверженность религии предков, как можно было бы предположить, а за связь с сатаной.

Ну, а де ла Пенья, поселившиеся в Нидерландах, занялись морской торговлей. В 1677 году корабль, на котором плыл роттердамский купец Джозеф де ла Пенья, сбился с курса в Атлантическом океане и причалил к незнакомому берегу. Мореплаватели установили на суше герб Оранской династии и провозгласили, что отныне эта территория принадлежит голландской королевской семье. Так Джозеф стал первым евреем, чья нога ступила на канадскую землю. Но это ещё не всё.

Двадцать лет спустя Вильгельм III Оранский, первоначально правитель Нидерландов, но с 1689 г. ещё и король Англии, Шотландии и Ирландии, пожаловал Джозефу де ла Пенья полуостров Лабрадор. Как говорилось в документе, в вечное наследственное пользование передавались „территории, лежащие между 54-м и 60-м градусом северной широты со всей землёй, лесами, реками, садами и рыбными угодьями". В случае нападения врага на эти земли король обещал де ла Пенья свою защиту и своих вассалов.

Существуют две версии, за какие заслуги Джозеф удостоился королевского подарка. По одной – за то, что де ла Пенья спас жизнь короля во время кораблекрушения. По другой – за финансовую помощь, оказанную правителю Нидерландов в борьбе за престол Англии и Шотландии, королём которых Вильгельм стал в 1689 году. Впрочем, воевать тогда особо никому не пришлось – армия непопулярного короля Якова II и даже некоторые члены его семьи моментально перешли на сторону Вильгельма без всякого боя.

Так или иначе, Джозефу достался Лабрадор. Это было крупнейшее земельное пожертвование, которое когда-либо в истории получал еврей. Правда, переезжать в своё владение де ла Пенья не собирался. Зачем преуспевающему купцу, жителю великой морской державы переселяться куда-то на край света – в неприспособленную для жизни землю? Да и зачем, если другие купцы, желающие торговать с аборигенами Лабрадора, платят ему за это?

После смерти Джозефа все права на Лабрадор перешли по наследству его сыну Дэниелу, а после смерти Дэниела – его брату Дэвиду. Братья получали новые документы, подтверждавшие их права, но ни разу не побывали в своих заокеанских владениях. Не замечали потомки Джозефа де ла Пенья и того, как их полуостров переходил из рук в руки. Территория сначала стала французским владением, а по Парижскому договору 1763 г. перешла Великобритании.

В течение XIX века семейство де ла Пенья четырежды пыталось доказать своё право на полуостров в суде, но безуспешно. В 1905 году в Соединенные Штаты приплыл из Амстердама раввин Исаак де ла Пенья вместе с тремя сёстрами. Три года Исаак служил в сефардской синагоге Нью-Йорка, а потом переехал в Канаду. Сёстры остались в Нью-Йорке. В Монреале Исаак стал помощником кантора в Испанской и португальской синагоге Монреаля, совмещая это занятие со светской профессией – огранщика алмазов в ювелирном магазине Birks.

Узнав из газет о споре Квебека и Ньюфаундленда из-за Лабрадора, Исаак и сёстры вспомнили о своих предках. Монреальский юрист Сол Элиасоф согласился представлять их интересы в суде. Дело рассматривал сначала суд Монреаля, затем суд Ньюфаундленда. Судьи обратили внимание, что в королевской жалованной грамоте говорится, что хозяин полуострова должен был заплатить пошлину – десять золотых дукатов, гульденов. В случае неуплаты в двухлетний срок бумага становилась недействительной. „А есть ли у вас доказательства, что эти деньги были уплачены?" – поинтересовались судьи. Раввин обратился за помощью к родственникам в Европе. Поразительно, но документ об уплате 10 золотых монет нашёлся.

Пока раввин судился с властями Ньюфаундленда, появился ещё один претендент. Лондонский еврей Саймон Эплбум попытался в американском суде доказать своё родство с семейством де ла Пенья, но не довёл дело до конца. При этом его потомки утверждают, что Саймон не искал никакой личной выводы, а лишь хотел подтвердить права британской короны на полуостров.

В Монреале же судебный процесс затягивался. В 1935 г. скончался раввин де ла Пенья. Адвокат Элиасоф убеждал его родных, что ещё пара месяцев – и ему удастся договориться с британскими властями. Европейским де ла Пенья несколько раз пришлось плавать в Канаду для участия в судебных слушаниях. Потом началась война. Сумевшие пережить войну несколько бельгийских и один голландский член семьи де ла Пенья – а часть их родственников погибли в фашистских концлагерях – в 1950 г. объединились и попытались ещё раз добиться признания своих прав. Проиграв суды во всех инстанциях, они попытались даже дойти до Международного суда ООН в Гааге, но безуспешно.

В 1983 г. борьбу за наследство продолжил внук раввина Исаака – врач Дэниел де ла Пенья из американского штата Южная Каролина. Он подал иск в Верховный суд Ньюфаундленда, который в 1948 году уже присоединился к Канаде. Дэниел даже сумел точно определить по сохранившимся документам, на какую территорию может рассчитывать семья – 150 тысяч квадратных километров. Чуть больше Греции, чуть меньше Белоруссии. Правда, площадь всего полуострова – 1,4 млн. квадратных километров. Но даже девятая часть Лабрадора таит в своих недрах огромные запасы железной руды, никеля, меди, кобальта и золота.

Впрочем, судьи опять были настроены против де ла Пенья. И в итоге постановили, что голландский феодальный закон не может применяться на территории Ньюфаундленда. На ход процесса, кстати, могло повлиять и то, что свои претензии на земли вдруг начали предъявлять и иннуиты – коренной народ Лабрадора. Им-то эти земли принадлежали задолго до любых европейцев. Допусти судьи один прецедент – и земель могла недосчитаться не только Канада. В итоге верховный судья Алекс Хикман постановил, что члены семьи де ла Пенья не смогли предоставить достаточных доказательств в подтверждение своих прав на часть Лабрадора. Дело было закрыто. Вероятно, навсегда.

Алексей АЛЕКСЕЕВ.

Особняк лікаря Л.М. Гольдарбайтера

Особняк розташовано на колишній Суворівській (нині вулиця Байди Вишневецького; напроти скверу Б.Хмельницького). Проходячи повз нього, не зразу звернеш на нього увагу. Особняк стоїть на пагорбі, захований поміж ялинами, тож його майже не видно з вулиці. Наліво від нього стоїть старий будинок лікаря В.І. Гольдмана, а з права – приміщення реального училища (особняк Мединського) з надбудовою третього поверху, здійсненою в 1960-х рр.

Будинок розташований на червоній лінії, одноповерховий, прямокутної форми, вписується в рельєф місцевості. Художній образ споруди насичений декором, симетрично з боків розбиті два красиво оформлені партерні арочні входи. Входи обрамлені двома колонами. Над кожним входом – надбудови у вигляді корони. Стіни прорізано п'ятьма великими вікнами.

Будинок зведений на межі століть, належить до цінної фонової забудови. Потребує збереження як яскравий та виразний зразок забудови заможної міщанської частини населення.

Джерело – Страшевич В.Б. Колишній особняк лікаря // Нерухомість Черкащини. – 2008. – № 5. – С. 22 – 23

До реконструкції

Після реконструкції

Грустно-сладкое жаркое

У ворот шло обсуждение спектакля Шепетовского драмтеатра музыкальной трагедии „Приключения Анны Карениной". Решался животрепещущий вопрос: поскользнулась ли Анна или всё-таки бросилась под колёса?

Мнения разделились. Верх явно брала партия мадам Берсон, настаивавшая на гололёде. Тётя Рива, единственная из присутствующих читавшая роман Толстого, оказалась в явном меньшинстве.

Сочтя тему окончательно исчерпанной, мадам Берсон перешла к кулинарии. Она сообщила обществу, что сегодня готовила кисло-сладкое жаркое.

– Целый час провозилась! – пожаловалась она.

– Час? – ахнула тетя Рива.

– А шо? – огрызнулась мадам.

Тётя Рива пыталась объяснить, что меньше, чем за три часа это блюдо не сготовишь… Но сегодня был не её вечер.

– Представляешь, Петя, она элементарных вещей не понимает! Только час надо тушить мясо с луком…

Но куда там. Дядя Петя смотрел на неё, точно так, как бронепоезд имени товарища Будённого из давешнего спектакля смотрел на жертву железнодорожного движения. Он мечтал дочитать газету „Советский спорт", где так интересно говорилось об игре команды ЦСК МО с „Динамо". А тётя Рива всё причитала…

– Ну, сделай сама это чёртово жаркое и не морочь мне голову! – вспылил дядя Петя и уткнулся в газету.

– И сделаю! – ляпнула тётя Рива.

Утром Рива отправилась на Привоз, купила хороший кусок говядины, чернослив… В общем, всё, что нужно… Кроме пряника. Сладкого чёрного пряника. Нигде, ну, совсем нигде пряника не было. Ну, не станешь же в жаркое класть засахарённые, мятные серые пряники по 90 копеек за кило. Смешно даже. Но тётя Рива придумала! Что? Потом скажу!

Она ехала домой и мечтала, как убьёт на готовку три, нет, даже больше часов, как сделает настоящее жаркое, как придёт Петя, поест и поймёт! Что поймёт дядя Петя она не домечтала. Надо было выходить.

У ворот никого не было, кроме мусорного старика Межбижера.

– С откуда идёте? – приветствовал он её.

– С Привоза.

– Что имели купить?

– Так, совсем немножко на обед.

– С мясом или так?

– С мясом…

Был, был, конечно, соблазн рассказать Межбижеру, что готовить она станет кисло-сладкое жаркое, не такое, как мадам Берсон, а настоящее. Через минуту об этом знал бы весь двор… Но угощать тоже весь двор придётся… И Рива гордо прошествовала мимо Межбижера. Дел впереди много, нечего пустые разговоры вести.

Дома она порезала мясо на тонкие полоски, почистила лук и пошинковала его. Потом поставила казан на огонь и достала смалец. Ох, хорошо, что она понюхала его. Смалец пах как-то не так. Рива попробовала немного. Горчит, привкус не тот. И крупинки… Зря покупала! Ну, и что теперь делать? Конечно, можно готовить на постном масле. Но это, как его, профанация. Рива вспомнила, что в доме имеется гусиный жир. Его она слила, когда готовила Пете на день рождения гуся с яблоками. Да, и при простудах жир помогает…

Она распустила гусиный жир в нагретом казане, и в доме сразу запахло шкварками и яблоками. Потом кинула в казан лук и стала жарить, помешивая. Когда лук стал золотистым, добавила мясо и принялась обжаривать. Так слегка, чтоб прихватилось, потемнело. Когда цель была достигнута, Рива налила в казан воду. Немного. Чтоб чуть покрывала мясо. Через несколько минут вода закипела. Рива уменьшила огонь, накрыла казан тяжёлой крышкой. Пусть тушится.

Первая, самая лёгкая часть готовки была закончена. Рива присела на табурет и стала вспоминать, как дома, ещё там, на Новорыбной, жаркое готовила бабушка. Она ставила рядом примус и грец. Примус для быстрых действий, а грец с его хилым огоньком, для медленных. Жаркое доходило на огоньке греца всю ночь… Бабушка только вставала, чтоб перемешать варево…

Рива спохватилась, подняла крышку и стала помешивать мясо. Потом подлила воду…

Утром вся семья просыпалась от удивительного, непревзойдённого запаха жаркого. Суббота. Да-да, это всегда была суббота. Готовить нельзя, а при этом горячее на столе. Казан, да-да, точно такой же, ставился посреди стола, дедушка читал молитву на непонятном языке.

Вот и час прошёл. Ой, даже больше. Не беда. Теперь время приправ. И томата. Рива кинула в казан штук 30 черносливин, три столовые ложки томата, добавила немного мёда, шарики перца, соль и, скрепя сердце, лавровый лист. Лаврушку она не любила, но что делать.

Дедушка… И он, и бабушка, и мама с младшей сестрой остались в Одессе осенью 41 года. А Риву эвакуировали вместе с ускоренными курсами медсестёр. О судьбе близких она узнала уже после войны…

Ой, надо лавровый лист вынимать! Взамен Рива бросила немного, буквально десять крупинок лимонной кислоты. Раньше, ещё тогда, в жаркое шёл целый лимон, но где его сейчас возьмёшь? Социализм строим. Не до лимонов!

Рива добавила ещё немного воды, перемешала и закрыла крышку. Потом стала толочь в ступке сухари. Но сухари, пусть уже и толченные, это полдела. Главное впереди. Пусть, пусть нет настоящего пряника. Но есть чёрная медовая коврижка. И это – выход!

Рива отрезала большой кусок коврижки и натёрла её на тёрке. Потом перемешала с молотыми сухарями и всё высыпала в соус. Соус стал стремительно густеть. Готово? Нет и ещё два раза нет! Рива уменьшила огонь до еле заметного и оставила на нём казан. Пусть эта корова мадам Берсон готовит такое блюдо, такое драгоценное блюдо за час. Она, Рива, сделает всё, как надо. Петя придёт, сядет за стол, станет макать хлеб в вкуснейший соус и хвалить еду. И это будет счастье.

И Петя таки пришёл. И сел к столу. И умял за пять минут почти всё, даже, наверное, не разобрав, что ест. И похвалил, конечно. Как всегда. А потом пошёл отдыхать. Устал после работы. А Рива осталась за столом. И не знала радоваться ей или огорчаться. А потом решила радоваться. Всё-таки день прошёл в трудах нужных и полезных. Муж сыт и доволен. В квартире чисто и уютно. Что ещё надо? А годы? Да, они идут. Жаль, конечно, что ни сын, ни невестка, ни внук не попробовали её жаркое. Там, где они сейчас, оно называется, как и называлось всегда, эсик флейш. Может, когда-нибудь, даст Б-г, она и приготовит им эту еду. И главное, наверное, самое главное: она сделала всё так, как делала бабушка. И в этом тоже память и благодарность. Всё продолжается…

А сейчас… Рива отломила корочку хлеба, обмакнула её в соус и отправила в рот. „В принципе, получилось… Надо бы ещё чуток мёду… Но всё равно вкусно!" – подумала она.

Компот

Я люблю лето. Верней, не так. Я люблю одесское лето. А особенно середину июня. Почему? Сейчас расскажу.

Это сейчас фрукты в магазинах и на рынке практически круглый год. А тогда, во время моего детства, именно в середине июня появлялась клубника, причём в берестяных лукошках. Даже цену этой прелести помню – два тридцать за килограмм.

Клубника сама по себе вкусная ягода. Но всё дело в том, что тогда же появлялась и черешня. Крупная, тёмно-красная, даже очень тёмно-красная черешня. Ароматная и сладкая.

Во двор выносились примусы. Каждая хозяйка вытаскивала свой фамильный медный таз. Наступала эпоха варки варенья. Вот интересно – вишнёвое варенье почему-то варили дома на газе. А из клубники и черешни во дворе и на примусе. Варили все. И аккуратная тётя Рива. И неряшливая мадам Берсон. И суетливая тётя Аня. И спокойная до поры, до времени тётя Маруся. Каждая хозяйка занимала свой угол двора, огородившись от товарок примусом на табуретке и корзинами, и по единственному, только ей известному рецепту священнодействовала, ревниво поглядывая на соседок.

Испортить варенье не считалось оплошностью. Это котировалось, как преступление против человечества.

Сбившись в стайку, мы, ребятня, затихали в сторонке, стараясь не очень шуметь, и шугали Межбижера, пытавшегося нас вразумить на тему самого передового советского сельского хозяйства. За это, в итоге, мы получали по блюдечку пенок и вылизывали всё дочиста. Вкусив, мы обменивались впечатлениями, которые ревниво слушали хозяйки. Вот когда можно было кое с кем свести счёты, сказав, допустим, о варенье мадам Берсон:

– Жадная! Сахар пожалела! Не сладко…

– Нестойкое! – выносили свой вердикт хозяйки. – Долго не простоит!

Тётя Маруся возражала: „Да она раньше всё упрёт!"

И начинался упоительный скандал с применением новых слов, пожеланий и эпитетов. Весело было. И вкусно.

Но не ради этого я так ждал июня. Вы не поверите, но я на всё был способен ради компота из черешни с клубникой. Это была даже не любовь. Это была страсть непреодолимая. Родители и бабушка охотно использовали этот мой крупный недостаток в личных целях.

Полуфраза: „… а то компота не будет!" – звучала рефреном ко всем предполагаемым моим проступкам. И я, прежде свободный и независимый, подчинялся и чах на глазах. Верный друг и соратник рогатка пылилась под балкой на чердаке. Межбижер гулял по двору и выходил на улицу без консервной банки, соединённой с его парусиновым пиджаком, пьяные у бодеги спокойно мочились на чугунный столб и их ни разу не било током. Аж противно, какой я был хороший.

Но вот, наконец, варенье сварено, разлито в банки, закрыто сверху пергаментной бумагой, а потом крышкой. За мной не числится крупных проступков, так что я смело и радостно гляжу в будущее. И оно наступает! Меня зовут чистить ягоды! А это значит… Да-да, это значит, что наступил праздник. Мы варим компот. На самом деле, в нашем доме компоты варили и варят круглый год. Из вишни, сливы, абрикосов, груш, яблок, сухофруктов, но всё это не то, не то, не то! А то происходит именно тогда, когда я, почистив ягоды, скромно отхожу в сторону. Я своё дело сделал, почти ни разу не угостившись. Почти.

А на огне уже кипит вода в большой кастрюле и сахар наготове. Сперва в воду бросают черешню, а через какие-то, только ей известные мгновения бабушка бросает клубнику. И сразу же сахар, мешая варево длинной деревянной ложкой. И сразу же кухню окутывает передаваемый аромат.

– Так, наверное, пахнет в раю! – делаю я богословское заявление.

Его встречают более чем прохладно. И вот компот готов. Думаете, мне его сразу дают? Тот случай! Кастрюлю снимают с огня и ставят в таз с водой. Воду периодически меняют, а компот остывает. Но медленно. И вот! Наступает! Моё время! Компот наливают в большую – самую большую в доме! – кружку.

– Без ягод! – требую я.

Ягоды и так мои. А компота в кружку без них входит больше. К компоту полагается горбушка серого хлеба. Я откусываю хлеб, зажмуриваю глаза и делаю первый глоток. Компот, пронзив хлеб во рту, как в песок, устремляется в меня. Лучшее мгновение жизни! (Так, по крайней мере, тогда мне казалось). И так долго-долго – кусочек хлеба, глоток компота, блаженство! – аж пока живот не становится похожим на барабан. Я добрею и милостиво разрешаю взрослым присоединиться.

Такое счастье продолжалось недолго, не больше недели. Потом клубника исчезала, вместо чёрной черешни появлялась белая. Из неё

Еврейская майса

варили какое-то особое варенье, но всё это было не то, не то…

Жизнь катилась, звеня, как обруч от бочки по булыжной мостовой. И до конца лета было ещё много-много времени, а значит и много-много счастья весёлого и ароматного, как компот из клубники с черешней.

Добро пожаловать или…

Лето в Одессе… Это прекрасно! Потому что лень, потому что солнце, потому что море. Лето в Одессе – это ужасно! Почему? Потому что гости. Родственники и близкие друзья почему-то приезжают весной или осенью. А летом – все остальные. Знакомые и полузнакомые, знакомые этих самых полузнакомых, не седьмая, а семьдесят седьмая вода на киселе из какого-то Старого Бениматинска или Новодубровска.

Ближе к лету на лицах жителей нашего двора появлялось выражение покорности судьбе, которое потом сменялось выражением отчаянья. И ничего нельзя было сделать! Если бы двоюродные тети жён троюродных племянников хоть предупреждали о своём приезде, то возможны были бы, конечно, хоть какие-то меры. Например, когда внучатая племянница свекрови троюродного брата тёти Ривы известила о приезде всего на 21 день всей своей семьи и нескольких друзей, то ей немедленно была отправлена телеграмма: „Сожалению принять не можем связи смертью Гриши тчк". Родственники, конечно, не приехали. Откуда им было знать, что тётиривин попугай Гриша околел уже четыре года назад. Правда, и телеграмму с соболезнованием не прислали. Пожадничали.

Другим жителям двора везло меньше. С наступлением лета им приходилось переходить на половую жизнь, ибо все койки, раскладушки, диваны и прочее, на чём можно было делать ночь, были заняты престарелыми родственниками неизвестного хозяевам происхождения.

Благословенный в веках август 70-го года – время холеры и полного отсутствия гостей давно миновал, оставшись только в счастливых воспоминаниях благодарных одесситов. Так что, получив на Новый год двухкопеечную поздравительную открытку без обратного адреса из какого-то Нижнего Мадагаскарска, одесситы вообще и жители нашего двора в частности начинали готовиться к худшему. И оно наступало! А что делать? Закрыть перед носом нежданных гостей двери? Ну, на такое не способен даже такой жлоб, как Межбижер. Так было и в то лето, о котором хочу вам рассказать.

О, это было рекордное лето! Население двора увеличилось раз в шесть. Привычные лица соседей легко затерялись в толпах приезжих. Дачу имели одни Комбайнёровы. И они туда укатили ещё весной, тщательно заперев двери и окна. Больше ни у кого убежища не нашлось. А гости всё прибывали и прибывали со всей мишпухой и со всеми бебехами…

Надо было что-то делать. А что? И тётя Рива пришла к тёте Марусе. И тётя Аня пришла к тёте Марусе. И сам Герцен пришёл к тёте Марусе. И Маруся придумала…

Для проведения запланированных действий необходимо было согласие и невмешательство дворника. И дядю Федю позвали. И он пришёл, едва пробравшись через гармидер, который сделали гости, спящие вповалку на полу дворницкой. Ему доступно изложили план мероприятий и предложили за содействие бутылку водки. Но! Дядя! Федя! Бутылку! Не! Взял! Он прослезился и сказал, что за такое святое дело сам бутылку поставит. В общем, приступили.

Куда, по-вашему, устремляется народ, проснувшись утром? Правильно! Но унитаз на квартиру один, а жаждущих полтора десятка. Стало быть не успевшим – одна дорога в дворовой сортир. А двери сортира заколочены крест накрест и надпись на них имеется: „КАРАНТИН". Такая же надпись имеется на дворовом кране, барашек с которого снят. Так что, насчёт умыться тоже облом. Потрясённые гости, спотыкаясь о залежи хлорки, бредут на улицу, но ещё в подъезде натыкаются на опечатанную дверь Комбайнёровых, с аналогичной же табличкой „КАРАНТИН". Более того, на асфальте возле комбайнёровской двери зачем-то нарисованы мелом контуры человеческого тела.

Пришельцы из разных концов нашей действительно тогда необъятной родины были шокированы. А когда увидели и на воротах целых две таблички „КАРАНТИН", то предварительно испугались. И побежали к хозяевам квартир, которые оккупировали. И начали спрашивать. И хозяева стыдливо отмалчивались. А если отвечали, то уклончиво. Лишь один дядя Петя – простая душа! – неосмотрительно брякнул:

– Наверное, зараза какая-то!

– Тиф…пун тебе на язык! – находчиво проговорилась тётя Рива.

Весть о тифе распространилась среди приезжих молниеносно. Но они зачем-то ещё выжидали. Тогда во дворе появились люди в белых халатах, позаимствованных в поликлинике, где служила племянница тёти Маруси. Они сообщили, что к сожалению… Вся семья Комбайнёровых… Спасти не удалось…

Вот тогда началась паника! Вот тогда начался свал! Вот тогда наступило настоящее лето!

О недавнем нашествии в почти опустевшем дворе напоминали только злополучные и благословенные таблички. Их не снимали. Впереди ещё была половина июля и весь август.

Александр БИРШТЕЙН.

Проект „ТУРБОТА ПОКОЛІНЬ – ХЭСЭД ДОРОТ" был создан и работает при поддержке „Джойнт" (JDC) – ведущей еврейской международной гуманитарной организацией, которая более тридцати лет помогает нуждающимся евреям и развивает еврейскую жизнь в странах бывшего Советского Союза. Подробную информацию о JDC вы найдёте на сайте: www.JDC.org

Claims Conference ועידת התביעות
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии".

Газета „Вместе". Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколінь – Хэсэд Дорот".
Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная вёрстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак.
Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.
Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.
☏ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11.
e-mail: inejnem20@gmail.com http://hesed-dorot.ck.ua
Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз.
Подписной индекс 90781.
При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт".

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.